

ГЁТЕ, ВАЛЬТЕР СКОТТ, МАНДЗОНИ И ИТАЛЬЯНСКИЕ РОМАНТИКИ. ТРАДИЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (К 275-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ И.-В. ГЁТЕ)

М.С. Черепенникова

Ключевые слова: Гёте, Вальтер Скотт, Мандзони, историческая литература, традиции и преемственность, итальянские романтики.

Keywords: Goethe, Walter Scott, Manzoni, historical literature, traditions and continuity, Italian romantics.

DOI 10.14258/filichel(2024)4-04

На рубеже XVIII–XIX вв. в европейской литературе зарождались предромантические тенденции, способствовавшие развитию жанров исторической поэмы, драмы, романа. Историческая тематика красной нитью проходит через творчество Иоганна Вольфганга Гёте, Вальтера Скотта, Александро Мандзони и многих итальянских писателей-романтиков первой половины XIX столетия. Корни эстетической преемственности в контексте исторической литературной традиции уходят в глубь веков, опираясь на летописи, хроники, баллады, рыцарские поэмы и романы, в которых получали художественное осмысление многие события европейской истории. Основоположником классической формы исторического романа считается британец Вальтер Скотт, оказавший влияние на многих европейских авторов, в том числе и на итальянских. Его исторический метод и творческий путь исследован в работах Б.Г. Реизова, Д.М. Урнова, Д. Дайчеса, Э. Джонсона. Вальтер Скотт своим литературным учителем считал Иоганна Вольфганга Гёте (1749–1832), с которым поддерживал эпистолярный диалог. Некоторые особенности гётеевских исторических произведений нашли отражение в работах С.В. Тураева, Б.И. Пуришева, Г.В. Якушевой, В.А. Пронина А. Хофер, Ж. Шмидта и др. Отдельные аспекты итальянского романтизма изучались в трудах И.К. Полуяхтовой, У. Боско, И. Де Фео, Г.Д. Бонино и др.

В работах отечественных и зарубежных литературоведов в полной мере не изучен процесс влияния Гёте на развитие исторической литературы разных стран Европы. Новизна данного исследования связана с выявлением эстетической преемственности в контексте художествен-

ной литературы на исторические темы, на определении и рассмотрении традиции, идущей от Гёте к Вальтеру Скотту и Мандзони, а далее к другим итальянским литераторам — его современникам и авторам-романтикам последующих поколений.

В XIX веке британский романист Вальтер Скотт воспринимался прежде всего как наследник великой английской литературы. В XX веке некоторые исследователи начали отмечать, что импульс глубокого внедрения исторических тем в литературу Скотт получил благодаря тому, что на пороге своего творческого пути перевел на английский язык одну из исторических драм Гёте. Исследователь Д. Дайчес так писал о раннем творчестве Скотта: «...первой книжкой, которую он выпустил под собственным именем, ... стал перевод с немецкого (1799) — «Гец фон Берлихинген» Гёте, ... именно переводы немецких образцов и подражания им положили начало литературной деятельности Вальтера Скотта» [Дайчес, 1987, с. 54–55]. Литературовед Урнов отмечал, что гётеvsкая «историческая драма, тема которой — национальное единение, явилась одним из важнейших литературных уроков для Вальтера Скотта в годы его „учения и странствий“. И вот он встал наравне с одним из своих основных учителей» [Урнов, 1990, с. 35].

Начало творческого пути Гёте было неразрывно связано с литературным движением, представители которого выступали под девизом: «Буря и натиск». Именно в этот период складывалось историческое мировоззрение великого немца, нашедшее выражение в его первых значительных драматургических произведениях: «...настроения молодого Гёте проявились в его драме „Гец фон Берлихинген“ (1773), материалом для которой послужило жизнеописание Готфрида фон Берлихингена, написанное им в 1557 году, но напечатанное в 1731 году. Гец (сокр. от Готфрид) — реальное историческое лицо. Следуя за Шекспиром, Гёте игнорирует классицистическое триединство, в драме 56 быстро сменяющихся сцен, множество персонажей. ... Драма вызвала широкий интерес у публики, Гёте стали называть немецким Шекспиром» [Пронин, 2007, с. 113–114]. Создавая драму на сюжет из жизни реально существовавшего рыцаря, Гёте периода «Бури и натиска» ориентировался не только на манеру исторических хроник Шекспира, он обращался также к опыту итальянской рыцарской литературы, обретя интерес к культуре Италии благодаря своему отцу — Иоганну Каспару Гёте: «...он поделился с сыном своей любовью к Италии, к ее языку, которым в совершенстве владел» [Шмидт, 2017, с. 11]. Особенный пиетет испытывал будущий классик немецкой литературы к произведениям итальянских авторов позднего Ренессанса: Лудовико Ариосто (поэ-

ма «Неистовый Роланд») и Торквато Тассо (поэма «Освобожденный Иерусалим»).

Впоследствии, в своем автобиографическом труде «Поэзия и правда», Гёте вспоминал, что этих авторов «перечитал еще в детстве и многое затвердил наизусть» (Иоганн Вольфганг Гёте. 1976. Т. 3. С. 68). На основе истории трагической судьбы итальянского поэта он создал историческую драму «Торквато Тассо», высоко оцененную читателями, литераторами и критиками в Италии. Следуя по данному пути, поэты-романтики разных стран Европы стали пользоваться этим историческим сюжетом, чтобы «под «маской» великого итальянца выражать свои мысли, чувства, переживания: «такая трактовка исторического материала во многом стала возможна благодаря гётеевской пьесе» [Черепенникова, 2006, с. 38]. Традиция обращения к историко-литературному образу Тассо стала характерной чертой творчества многих авторов-романтиков (Байрон, Батюшков, Леопарди и др.)

В зрелые годы, работая над своими мемуарами («Поэзия и правда», «Итальянское путешествие»), Гёте учтивал опыт трактатов и мемуаров выдающихся итальянцев эпох Ренессанса и Просвещения: Бальдассаре Кастильоне, Бенвенуто Челлини и Витторио Альфьери. Это помогло Гёте не только проникнуться духом искусства любимой им Италии, но и уловить тонкости сочетания индивидуальной и всеобщей истории, художественного вымысла и исторических фактов, нашедших виртуозное воплощение в прозе великих итальянцев, остающейся актуальной и интересной до наших дней. Черпая вдохновение в традициях итальянской мемуаристики, великий немец создавал свой особый колорит исторической литературы. На данном материале он исследовал особенности художественного отражения эпохи, концепты «индивидуума» и «толпы», разрабатывал собственную литературно-философскую концепцию «духа времени» («Geist der Zeiten») [Höfer, 1999, с. 117].

Показательно, что и Вальтер Скотт прошел подобный путь эстетического развития: «в школьные годы он прочитал „Освобожденный Иерусалим“ Тассо (в переложении на английский мистера Хоула)» [Дайчес, 1987, с. 34]. Сближала Гёте и Скотта также любовь к произведениям Гомера и Оссиана (нашедшая отражение и в литературных пристрастиях гётеевского Вертера). Фигура Тассо заинтересовала двух основоположников исторического метода в литературе не случайно. Творчество великого итальянца привлекало Вальтера Скотта не только «военными подвигами и фантастическими приключениями его рыцарей» [Реизов, 1960, с. 6]. Тассо в свое время стал одним из первых авторов, создававших не только поэзию с историческим содержанием, но и на-

учные трактаты, разрабатывавшие теорию исторических основ художественных произведений.

Молодой Вальтер Скотт, пронизанный идеями романтизма, начинал свое творчество с сочинения поэтических произведений (как и Гёте, он создавал баллады). Подражая старинным шотландским бардам, Скотт создал поэмы «Песнь последнего менестреля», «Мармион», «Дева озера», «Рокби». По словам Вальтера Скотта, «он оставил поэтическое творчество и перешел к прозе потому, что не хотел состязаться с Байроном. … Эволюция творчества Скотта неизбежно вела его к историческому роману» [Реизов, 1960, с. 7–8]. Первый же роман «Уэверли, или Шестьдесят лет тому назад» принес писателю известность за пределами родной страны. За 18 лет творчества литератор-романтик написал 28 романов, затрагивавших разные периоды истории Англии и Шотландии. Литературовед В.А. Пронин, изучая эстетику эпохи романтизма, отмечал ориентацию романтиков на перевоплощение реальности «силой авторской фантазии, как в средневековых рыцарских романах» [Пронин, 2007, с 157]. Рыцарский роман Скотта «Айвенто» сделал имя своего автора всемирно известным. С первых же строк писатель разворачивал перед читателем живописные картины английской природы, выводя его из обыденности, помещая на просторы особыго хронотопа своего произведения: «Таково главное место действия нашей повести, по времени же — описываемые в ней события относятся к концу царствования Ричарда I» (Вальтер Скотт. Айвенто. 2020. С. 31). Мировоззрение и устремления эпохи романтизма стали основой творческого импульса английского писателя, базисом его обращения к историческим сюжетам: «Романтики в большинстве своем презирали буржуазный строй, от современности устремляясь в прошлое. Вальтер Скотт (1771–1832) в романах „Пуритане“ (1816), „Роб Рой“ (1818), „Айвенто“ (1820), „Квентин Дорвард“ (1823) и др. впервые показал, что биография героя зависит от движения истории» [Пронин, 2007, с. 157].

В европейской литературной парадигме до И.-В. Гёте и В. Скотта существовала традиция художественного переосмысления судеб известных людей, исторические события использовались как фон повествования. Но в тот период времени концепция исторической литературы еще не сложилась в полной мере. Авторы предшествующих эпох придавали текстам хроникальный, дидактический, развлекательный характер. Литературовед Б. Г. Реизов отмечал, что «…до середины XVIII столетия роман считался жанром „легкомысленным“ … К середине века положение изменилось: романы Ричардсона, Филдинга, Руссо, Гёте и Скотта произвели огромное впечатление и подняли важные вопросы

сы общественного и нравственного характера» [Реизов, 1960, с. 42]. Гёте и Вальтер Скотт, не забывая о достижениях предшественников, на новом этапе развития мировой культуры начали использовать традиции исторической литературы не только как художественную форму хроникального исследования или источник увлекательного сюжета, но и как повод для серьезного разговора с читателем об истории и современности, как базис для социально-философского анализа общества: «В художественной литературе Скотт первым поставил проблему исторического бытия и судеб страны в плане вполне современном и актуальном» [там же, с. 14].

Гёте и Скотт, следуя единым линиям эстетической преемственности, опирались на итальянскую культуру и литературу. Процесс обратной связи, творческого взаимодействия с литературной средой Италии выразился в том, что сразу несколько значимых итальянских авторов рубежа XVIII–XIX веков (Монти, Фосколо, Мандзони и др.) включились в прямой диалог с Гёте во время его пребывания в стране и продолжили творческую переписку с ним в последовавший за итальянскими путешествиями период веймарской классики. Имея собственные концепции путей развития итальянской исторической литературы, все они прислушивались к мнению великого немца, ориентировались на его творческое наследие. Основоположника итальянского романтизма, Александра Мандзони, подобный диалог привел к созданию исторического романа «Обрученные» и к разработке теории «исторического метода» в литературе.

Данные процессы обрели в Италии теоретическую основу и практический потенциал, исследование которого связано с преемственностью в контексте общеевропейской литературной парадигмы и с историческими реалиями эпохи. Итальянская литература рубежа XVIII–XIX веков ознаменована синтезом традиций и новаторства, окончанием периода эстетического упадка, описанного в трактатах Джузеппе Парини, являвшихся «важнейшими эстетическими документами итальянского Просвещения» [История всемирной литературы, 1988, т. 5, с. 186]. Итальянские авторы постепенно выходили на мировую литературную арену. Вливвшись в русло общеевропейских культурно-исторических процессов, итальянская литературная традиция испытала влияние немецкого романтизма. Процесс рецепции творчества Гёте был важен для ее обновления и развития. Особый интерес в итальянских литературных кругах вызывали «Вертер», «Фауст», «Вильгельм Мейстер», исторические драмы «Торквато Тассо» и «Эгмонт», а также «Римские элегии» и «Венецианские эпиграммы» — поэтические циклы Гёте, пронизан-

ные осмыслением итальянской истории и современности. Интеллектуалы Италии поняли и приняли социально-философскую и историческую направленность гётеевского творчества.

Культурно-исторические приоритеты Италии XIX века задавала эпоха Рисорджименто, нового Возрождения, вдохновленного подъемом национально-освободительного движения итальянцев против иноземного владычества. Переломные исторические события, длившиеся более полувека, в 1870 году привели к объединению Италии, воплотив идеи Данте Алигьери, мечтавшего о едином итальянском государстве. Литературная традиция живо отзывалась на исторические изменения: трансформация в сфере литературных идей и жанров была связана как с внутренними процессами эпохи Рисорджименто, так и с событиями общеевропейского масштаба. Эстетические отзвуки Французской революции разделили интеллектуалов Италии на реакционеров и якобинцев, придав национальной литературе энергию соперничества классицистов и романтиков. Истоки данного процесса обнаруживаются в манифесте немецкого романтизма, созданного Ф. Шлегелем, уловившим веяния духа эпохи, продекларировавшим появление «прогрессивной, универсальной поэзии» [Храповицкая, Коровин, 2003, с. 34], объявившим «основой нового времени философию Фихте, „Вильгельма Мейстера“ Гёте и Французскую революцию 1789 года» [История всемирной литературы, 1988, т. 5, с. 32].

Гёте не только создавал исторические произведения, достойные подражания; с помощью публицистических форм высказывания научной мысли он участвовал в развитии эстетических направлений европейской литературы. Особенно интересовали немецкого классика зарождающиеся романтические тенденции в современной ему литературе Италии: он внимательно наблюдал за текущим художественным процессом, отмечал и анализировал ключевые изменения эстетики. Свои эстетико-философские взгляды Гёте обнародовал в статьях, созданных в 20-е годы XIX столетия: «Классики и романтики Италии в ожесточенной борьбе» и «Современные гвельфы и гибеллины». Гёте чутко уловил нарастание социально-исторической ориентированности художественного творчества, употребив термины из итальянских средневековых хроник — «гвельфы» и «гибеллины» (*«Guelfen und Ghibellinen»*) по отношению к современным ему направлениям литературы Италии (J.-W. Goethe. Goethes Werke in Zwölf Bänden. 1981, Bd. 11. S. 345). Факт вовлеченности в историко-культурные процессы разных стран Европы свидетельствовал о масштабах личности великого немца, о широте его интересов и об интенсивной интеллектуальной деятельности, фор-

мировавшей «дух эпохи». Ведь, по словам историка философии Рюдигера Сафрански, «Гёте был теснейшим образом связан с общественной и культурной жизнью своего времени» [Сафрански, 2018, с. 15].

Предромантические тенденции проявились в творчестве Винченцо Монти — литератора, лично знакомого с Гёте. Одним из лучших произведений итальянского автора стала трагедия «Аристодем», сюжет которой был взят из греческой истории. Переводчик Гомера — Монти создал ее после стихотворного переложения на итальянский «Страданий юного Вертера» — гётеевского произведения, позиционировавшего protagonista как типаж современный для своей эпохи. Историческая трагедия «Аристодем» и стихотворный «Вертер» Монти, рассматривая философскую проблему смысла человеческого существования, отразили различные формы культурно-эстетического взгляда на единный архетипический сюжет, помещенный в разные исторические эпохи. Во время первого итальянского путешествия Гёте беседовал с Монти после премьеры его пьесы. Фактор гётеевского влияния был подтвержден фактом непосредственного общения и обмена мнениями между писателями.

Усиление роли исторической тематики в художественной прозе актуализировалось в романе Уго Фосколо «Последние письма Якопо Ортиса», созданном в начале XIX века. В прозе романика Фосколо прослеживались явные параллели с гётеевским «Вертером», присутствовала трагическая любовная коллизия, была сохранена структура эпистолярного повествования: Вертер обращался в письмах к своему другу Вильгельму, а Ортис делился сокровенными мыслями с другом Лоренцо. Литературовед Массано назвал данное произведение «итальянским Вертером» — «Wertheritaliano» [Massano, 1965, р. 59]. При этом «Последние письма Якопо Ортиса» не являлись эпигонским подражанием роману Гёте. Проза Фосколо внесла значительный вклад в итальянскую литературную традицию.

Успех роману принесло существенное внимание автора к историческим событиям конца XVIII столетия, к узнаваемым, живым картинам итальянского общества той эпохи, органично вплетенным в сюжет. Протагонист романа — Якопо Ортис олицетворял образ молодого романика, эмоционального, тонко чувствующего и глубоко мыслящего итальянца, боровшегося за свободу родины. На страницах произведения он встречался с реальными историческими личностями, размышлял о роли Наполеона в истории, путешествовал по современной ему Италии, посещал места, связанные с памятью Данте и Петрарки, вел философские беседы о судьбе страны с итальянским поэтом-патриотом Дж. Парини. «Ты спрашивашь меня о Джузеппе Парини: он сохра-

нил свою благородную гордость...» (Уго Фосколо. Последние письма Якопо Ортиса. 1932. С. 291), — писал Ортис другу Лоренцо. Так Фосколо увековечил образ своего литературного и духовного учителя, ведь в его судьбе итальянский просветитель Парини сыграл роль, напоминавшую роль наставника Гердера в судьбе Гёте.

В художественном повествовании Фосколо сквозили ноты мемуарной искренности, подкупившие и растрогавшие простых итальянских читателей не меньше, чем трагическая история гётеевского Вертера. Интеллектуалов в этом романе привлек широкий аллюзивно-символический базис, затрагивавший темы историко-литературных традиций. Не случайно Ортис в последние дни своего земного существования пытался приобрести автобиографию Челлини на родном языке: «Я спросил у одного книгопродаца „Жизнь Бенвенуто Челлини“.. „У нас ее нет“, отвечал он...» (Уго Фосколо. Указ. соч. 1932. С. 291). Отсутствие книги (любимой и Гёте) символизировало в итальянском романе кризис исторической памяти. Так произведение со значительной историко-философской линией формировало самосознание итальянцев, подпитывая идеи будущего объединения страны. Поэма Фосколо «Гробницы» продолжила тему значимости исторических традиций. Она развивала романтические идеи, воспевала великих итальянцев прошлого, взывая к патриотическим чувствам читателей. В жанре исторической драмы Фосколо создал пьесу «Риччарда», говорившую о внимании автора к концепциям исторической драматургии Гёте («Гец фон Берлихинген», «Эгмонт», «Торквато Тассо»), умевшего затронуть чувства современников показом драматических судеб персонажей прошедших эпох.

В своих статьях о литературе Италии Гёте отмечал, что знаменитый миланский журнал «Кончильяторе» («Примиритель») сыграл значительную роль в истории итальянского романтизма, объединив литераторов: С. Пеллико, Дж. Берше, Т. Гросси. Перу Джованни Берше, на творчество которого обратил внимание Гёте, принадлежал манифест итальянского романтизма, подчеркивавший важность развития национально-исторического начала в литературном творчестве. Манифест призывал отказаться от мифологической проблематики в пользу новых, злободневных тем и сюжетов из истории и современности. Литераторы северной итальянской области Ломбардии подхватили эти идеи, способствовавшие зарождению новой литературы, наполненной свободолюбивыми мотивами, актуальными для той исторической эпохи. Понятие «Рисорджименто» («Возрождение», «Обновление»), употребляемое ранее в культурно-литературном контексте, обретало историческую и историографическую смысловую нагрузку благодаря стараниям

В. Альфьери — мастера исторической драматургии («Антоний и Клеопатра», «Филипп», «Брут I», «Брут II»), которого Гёте особенно ценил. Романтик Берше продолжил работу, начатую Альфьери: «романтики Италии назвали Альфьери своим учителем, <...> в годы Рисорджименто театр Альфьери стал художественным ориентиром для многих поколений» [История всемирной литературы, 1988, т. 5, с. 191]. По мнению исследователя Боско, Берше предложил итальянцам, лишенным на тот момент объединенного государства, создать «единую литературную родину» [Bosco, 1942, р. 121].

Один из видных политических деятелей Рисорджименто, Джузеппе Мадзини, начинал свою карьеру как литератор и критик. В молодости он был глубоко увлечен творчеством Фосколо, а также литературным наследием, философией и эстетикой Гёте, постигшего законы исторического процесса и предрекавшего наступление эпохи мировой литературы. В зрелые годы Мадзини формировал своими публикациями социокультурное единство Италии, выходящей на арену «мировой литературы» (Дж. Мадзини. Эстетика и критика. 1976. С. 95). Венцом искусств он считал поэзию, видя в ней суггестивную, объединяющую силу, особенно важную на данном историческом этапе. Многие идеи Джузеппе Мадзини были созвучны убеждениям Гёте.

Немецкий классик до последних дней жизни продолжал пристально следить за литературным процессом Италии, создавая эффект диалога, «обратной связи» с поэтами и писателями этой страны. Гёте перевел на немецкий язык оду Alessandro Mandzoni «Пятое мая», осмыслившую историческую роль Наполеона. Великий немец в разговорах со своим секретарем И.П. Эккерманом отмечал, что «*Ода Мандзони — лучшее из стихотворений на данную тему*» (И.П. Эккерман. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. 1981. с. 244). Гёте подчеркнул важность исторических драм Мандзони «Граф Карманьола» и «Адельгиз», создав на них рецензии. Переводы поэзии Мандзони на немецкий язык вышли в 1827 году в Йене с гётеской вступительной статьей. Отвечая на внимание к своему творчеству, Мандзони вел с Гёте переписку, затрагивавшую проблемы эстетики и исторического метода в литературе, представлявшую собой «интереснейший документ эпохи, отражавший этапы духовно-эстетической эволюции итальянского писателя-романтика» [Черепенникова, 2014, с. 51]. Гётеские идеи и мотивы ощущимы и в художественном наследии Мандзони. Исследователи его творчества отмечали значимость немецко-итальянского литературного диалога в процессе формирования теории «исторического правдоподобия в искусстве» [Polt, 1924, с. 89]. Разработанная Мандзони тео-

рия была успешно применена им на практике в исторических трагедиях и в романе «Обрученные», прочно вошедшем в парадигму итальянской литературы. Продолжая традицию использования литературного приема «найденной рукописи» (Гёте, Скотт), Мандзони начал свой роман в духе авторов прошедших веков: *«История может, поистине, быть определена, как славная война со Временем, ибо, отбирая у него из рук годы, взятые им в плен, <...> она возвращает их к жизни...»* (Аlessandro Мандзони. Обрученные. 2011, с. 7).

Работа Мандзони над романом, ставшим эпическим историческим полотном, заняла многие годы. Автор совершенствовал язык и стиль произведения, собирая и обрабатывая хроникальные факты, необходимые для развития сюжета «Обрученных». Он изучил большое количество исторических документов, в частности, миланскую хронику двухвековой давности. Перипетии судьбы протагонистов — молодых влюбленных Ренцо и Лючии были филигранно вписаны в картину жизни Ломбардии первой половины XVII века. Читатели Мандзoni прониклись сочувствием к драме главных героев, разлученных роковыми историческими событиями, в которых наблюдались параллели с современностью.

Сюжет романа «Обрученные», наделенный национальными чертами, несет в себе и фаустианские реминисценции, связанные с новым философско-эстетическим прочтением гётовской проблематики в романтическом ключе: «трагедия Гёте „Фауст“ — уникальный шедевр, который проецируется в различные эпохи, предлагая актуальные истолкования легенды» [Пронин, 2019, с. 19]. Итальянские и немецкие исследователи (Л. Куатрокки, Г. Польт) сходились во мнении, что Мандзони успешно внедрил в структуру исторического романа фаустианские мотивы: отдельные черты образа Мефистофеля проявились в фигуре Неизвестного. Таинственный и могущественный герой без имени играет большую роль в судьбе влюбленных героев Ренцо и Лючии (как и Мефистофель, встающий на жизненном пути персонажей гётовского «Фауста»: Генриха и Гретхен). Действия Неизвестного у Мандзони (как и козни Мефистофеля у Гёте) создают напряжение коллизии, отдаляют соединение повествовательных линий протагонистов, делая их финальную встречу максимально значимой.

Фигура Неизвестного вносит мистические элементы в реалистическое историческое повествование, в то же время это описание вполне человеческого характера, так как для Мандзони была важна гуманистическая сторона конфликта, решенная через показ нравственного преображения таинственного противника главных героев. В стремлении

внести мистические элементы в сюжет чувствуются не только новые романтические формы переосмыслиния концовки гётеевского «Фауста», но и латентные отсылки к английской «готической» литературе. Мандзони таким образом косвенно затронул путь, по которому собирался пойти Вальтер Скотт в начале своей творческой карьеры. Как отмечали исследователи творчества британского писателя: «Еще в период своих первых баллад он задумывал роман в традиции старого „готического“, или „страшного“, романа со всякого рода сверхъестественными приключениями. Роман этот остался незаконченным» [Реизов, 1960, с. 17]. Свои суждения по поводу подобного типа литературного творчества Скотт выразил впоследствии в своей критической статье «О сверхъестественном в литературе», затронувшей, в частности, тему немецкого романтизма и сочинений Гофмана.

Вальтер Скотт скрывал свое имя при издании исторической прозы (начиная с первого романа «Уэверли»). Для многих читателей, литераторов и критиков его авторство не составляло тайны, поэтому английский писатель заслужил прозвище «Великий Неизвестный» («The Great Unknown») [Johnson, 1970, vol. 1, p. 5]. Лишь в 1827 году за несколько лет до завершения писательской карьеры и жизни он раскрыл свое инкогнито. Именно в 1827 году были изданы «Обрученные» Мандзони. Роман с похожим названием «Обрученная» (или «Обрученные») Вальтер Скотт опубликовал в 1825 году. При сопоставлении дат необходимо учитывать, что Мандзони начал работу над своим романом-эпопеей еще в 1821 году и в дальнейшем многократно перерабатывал грандиозный замысел. В «Обрученных», созданных на английском и на итальянском языках, при внимательном исследовании обнаруживается сходство лишь некоторых методов повествования при существенных различиях в содержании и целях произведений. Авторы обращались к разным историческим эпохам: в романе Мандзони представлена картина жизни и быта Италии XVII столетия; роман Скотта, входящий вместе с книгой «Талисман» в цикл «Рассказы крестоносцев», посвящен временам правления Генриха II Плантагенета (XII в.).

На создание исторических произведений Мандзони вдохновил роман «Айвенго». В его творчестве присутствовали элементы,ственные историческим романам Скотта. Прозу данных авторов структурировал голос вездесущего рассказчика, их тексты были наполнены отзывами политических, социальных и культурных конфликтов, они тяготели к сложному хронологическому порядку событий и пышным, детальным описаниям мест действия. Эти параллели — результат преемственности в контексте традиций исторической литературы и фактор

влияния эстетики и поэтики Вальтера Скотта на значительную часть европейских авторов, посвятивших свою жизнь жанру исторического романа. На примере «Обрученных» Скотта и Мандзони видна концептуальная разница в моделях и результатах реализации авторского замысла. Историческая картина, созданная в романе Мандзони, эпична. Ее значение для развития итальянской литературы трудно переоценить. Английский автор в одноименном романе не ставил перед собой крупных философско-эстетических задач; он просто вовлекал читателя в экзотический, порой фантазийный мир истории, делая акцент на приключениях героев.

Гёте высоко ценил творчество Вальтера Скотта, называя его «тифтом литературы» (Эккерман, 1981, с. 137), в некоторых его работах он видел переосмысленную рецепцию собственных персонажей, таких как Эгмонт и Миньона. Последние годы жизни немецкий классик многократно перечитывал и обсуждал произведения английского автора в кругу друзей и единомышленников. Обнаруживая в нем потенциал нового направления в литературе, Гёте утверждал: «Вальтер Скотт — великий талант, не имеющий себе равных. <...> Он дает мне обильную пищу для размышлений, и в нем мне открывается совсем новое искусство, имеющее свои собственные законы» (И.П. Эккерман. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. 1981. С. 414). Гёте отмечал, что особых владения историческими материалом, слогом и стилем английский автор достиг в романах: «Айвенго», «Уэверли», «Пертская красавица», «Роб Рой».

Художественное творчество Алессandro Мандзони в жанре исторического романа привлекло повышенное внимание Гёте. Поддерживая литературные контакты с итальянским автором, Гёте считал его своим духовным учеником. О романе «Обрученные» немецкий классик отозвался восторженно: «Роман Мандзони превосходит все, что нам известно в этом жанре, <...> Думается лучше нельзя было написать роман. Только в нем нам по-настоящему открылся Мандзони, <...> он выдерживает сравнение с великим Вальтером Скоттом» (там же, с. 246). Сравнив двух авторов, явившихся основоположниками жанра исторического романа в Англии и Италии, Гёте обозначил линию литературной преемственности, идущую от Скотта к Мандзони. Немецкий классик подчеркивал, что итальянскому автору благоприятствовало: «...в создании его великолепного произведения <...> то, что он превосходный историк, — это сообщило роману большую широту и достоверность» (там же, с. 248). Значение романа «Обрученные» для итальянцев было сопоставимо с ролью гётеской поэмы «Герман и Доротея»

в культурном сознании немцев. Итальянский роман и германская поэма были наполнены традициями исторической преемственности, наценены эпическими чертами, представляя собой примеры обобщенной национальной судьбы, показанной в контексте драматических фактов определенной эпохи.

Один из мастеров исторической прозы XX в. — Умберто Эко в своем эссе «Заметки на полях „Имени розы“», рассуждая о судьбах «исторического романа», так отзывался о шедевре Мандзони: «Исторический роман <...> не обязательно выводит на сцену фигуры, знакомые из популярных энциклопедий. Возьмите „Обрученных“ <...> Все поступки героев необходимы для того, чтобы мы лучше поняли историю — поняли то, что имело место на самом деле» (Умберто Эко. 2012. С. 144–145).

Гётеvские традиции в поэзии, глубоко связанный с исторической проблематикой, продолжили не только Монти, Фосколо, Мандзони и Берше, переводивший немецкие баллады, но и литератор-романтik Никколо Томмазео, исследовавший художественное наследие великого немца, испытавший влияние его поэтики в собственном творчестве. «*Вот с дерева небес миры свисают, / Все их питая, как растенье плод, / Оно в листве астральной позволяет, / Другой огромный видеть небосвод*» (Никколо Томмазео. Высоты. 2008. С. 37) — писал итальянский романтик в стихотворении «Высоты», космогонические символы которого подразумевали идею исторической эволюции. Томмазео был известен не только как автор многочисленных сборников стихов и трудов по истории итальянской литературы, но и как продолжатель традиций исторической и психологической художественной прозы («Герцог Афинский», «Вера и красота»).

Эпоха Рисорджименто и стилистика романтизма способствовали развитию исторического романа и поэзии. Лирика таких авторов, как К. Порта и Т. Гросси, наполнена вертеровскими аллюзиями. Сатирические поэмы Порты в картинах жизни миланского простонародья отразили дух эпохи, современной автору. Романтик Гросси продолжил традицию Мандзони, создав исторический роман с рыцарскими мотивами «Марко Висконти» и роман в стихах «Ильдегонда», основанный на событиях миланской истории XIII века.

Творчество знаменитого итальянского поэта первой половины XIX века — Джакомо Леопарди ознаменовано синтезом исторической тематики, гётеvских мотивов, классической формы и романтического содержания. Исследовательница творчества Леопарди И.К. Полухтова отмечала, что его стихотворения и «Дневники» проникнуты духом «мировой скорби» [Полухтова, 1998, с. 166] и философским пес-

симизмом Шопенгауэра. Так поэт впитывал настроения эпохи романтизма, находившие отражение в его лирике и философской прозе. Эссе Леопарди «История человечества» («Моральные очерки») показывало взаимосвязь вселенской истории с путем развития индивида. Пессимистическое видение исторического процесса, пронизанного страданием отдельной личности, было связано с романтическим мировоззрением автора, но не исчерпывалось им. По мнению исследователя Де Фео, Леопарди не приветствовал мистицизм немецких романтиков, но понимал величие независимого гения Гёте и был хорошо знаком с текстами и идеями «Вертера», «Фауста», «Вильгельма Мейстера», «Поэзии и правды» [DeFeo, 1972, p. 346]. Вертеровские и фаустианские мотивы прослеживаются как в «Моральных очерках», так и в лирике Леопарди, посвященной легендарным историческим личностям («Брут Младший», «Последняя песнь Сафо» и др.).

Формирование романтической эстетики, развитие истории как науки вывели на более высокий уровень традицию жанров исторической литературы в контексте художественного творчества. У истоков создания новых форм, методов и целей исторической литературы стояли Гёте и Вальтер Скотт. Линии эстетической преемственности, идущие от этих авторов, повлияли на многих европейских писателей. В парадигме итальянской литературной традиции ярче всех на поприще исторического романа проявил себя Мандзони. Его роман «Обрученные» обрел «мировую известность и стал образцом жанра» [Черепенникова, 2014, с. 51] для итальянских авторов, стремившихся к развитию исторического метода в литературе. Традиции исторического романа в Италии продолжили Р. Джованьоли («Спартак»), Дж. Т. ди Лампедуза («Леопард»), У. Эко («Имя розы») и многие другие авторы.

Многогранное, полижанровое наследие Гёте, активно обращавшееся в своем творчестве не только к фактам немецкой и итальянской истории, но и к философии истории как таковой, не могло не повлиять на литераторов и мыслителей. Вдохновившись гётенской концепцией «духа времени» и его теорией «мировой литературы», критик и литератор Мадзини призвал современников к поиску новых литературных форм, способных отразить явления будущего, выявить возможности развития литературной мысли, способной привести к «Поэзии будущего, поэзии Человечества» (Дж. Мадзини. Эстетика и критика. 1976. С. 351). В парадигму единого литературно-исторического процесса он включал как шедевры Данте, Петrarки, Бокаччо, Ариосто и Тассо, так и опыт лучших европейских поэтов, среди которых особенно выделял Шекспира, Байрона и Гёте. «В Италии имя Гёте произносят с благоговени-

ем», — декларировал Мадзини, выражая общественное мнение своей эпохи (там же, с. 78). Рецепция идей Гёте и Вальтера Скотта позволила трансформировать и усовершенствовать исторические жанры, способствовала раскрытию творческого потенциала многих авторов мирового значения, помогла им создать произведения, имеющие большую историко-философскую ценность и тем самым внести достойный вклад во всемирную литературную традицию.

Библиографический список

- Дайчес Д. Вальтер Скотт и его мир. М., 1987.
- История всемирной литературы: в 9 т. Т. 5 / под ред. С.В. Тураева. М., 1988.
- Полухотова И.К. Поэт печали и любви // Леопарди Джакомо. Стихитальянский напоен слезами. Стихотворения. М., 1998.
- Пронин В.А. История немецкой литературы. М., 2007.
- Пронин В. А. Страсти по Фаусту // Наука и школа. 2019. № 6.
- Реизов Б.Г. Вальтер Скотт // Скотт В. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 1. М., 1960.
- Сафрански Р. Гёте: жизнь как произведение искусства. М., 2018.
- Урнов Д.М. «Сам Вальтер Скотт», или «Волшебный вымысел» // Скотт В. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. М., 1990.
- Храповицкая Г. Н., Коровин А. В. История зарубежной литературы. Западноевропейский и американский романтизм. Изд. 2. М., 2003.
- Черепенникова М. С. Гёте и Италия. Традиции. Диалог. Синтез. М., 2006.
- Черепенникова М. С. Мастера итальянской литературы. М., 2014.
- Шмидт Ж. Гёте. М., 2017.
- Bosco U. Aspetti del romanticismo italiano. Roma, 1942.
- Höfer A. Johann Wolfgang Goethe. München, 1999.
- Johnson E. Sir Walter Scott. The Great Unknown. In 2 vols. New York, 1970.
- Polt H. H. Goethe und Manzoni. Wien, 1924.

Источники

- Гёте И.-В. Поэзия и правда // Собрание сочинений Гёте: в 10 т. Т. 3. М., 1976.
- Мадзини Дж. Эстетика и критика. Избранные статьи. М., 1976.
- Мандзони А. Обрученные. М., 2011.
- Скотт В. Айвенго. М., 2020.

Томмазео Н. Высоты // Черепенникова М. С. Традиции поэтического наследия Италии. Антология итальянской поэзии от эпохи Возрождения до наших дней. М., 2008.

Фосколо У. Последние письма Якопо Ортиса. М., 1932.

Эккерман И. П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М., 1981.

Эко У. Заметки на полях «Имени розы». М., 2012.

Goethe J.-W. Goethes Werke in Zwölf Bänden. Berlin und Weimar, 1981.

References

- Daiches D. *Sir Walter Scott and his world*, Moscow, 1987. (In Russian)
The History of World literature, vol. 5, Moscow, 1988. (In Russian)
- Polujahtova I.K. The poet of sadness and love. *Leopardi Giacomo. Stih ital'janskij napojon slezami. Stihotvorenija* = The Italian verse is filled with tears. Poems, Moscow, 1998. (In Russian)
- Pronin V.A. *The history of German literature*, Moscow, 2007. (In Russian)
- Pronin V.A. Passions for Faust. *Nauka I shkola* = Science and School, 2019, no. 6. (In Russian)
- Reizov B.G. *Walter Scott. Walter Scott. Sobranie sochineniy* = Collected works, vol. 1, Moscow, 1960. (In Russian)
- Safranski R. *Goethe: Life as a Work of Art*, Moscow, 2018. (In Russian)
- Urnov D. M. «Walter Scott himself», or «Magical fiction». *Walter Scott. Sobranie sochineniy* = Collected works, vol. 1, Moscow, 1990. (In Russian)
- Hrapovickaja G.N., Korovin A.V. *History of Foreign literature. Western European and American Romanticism*, 2nd ed., Moscow, 2003. (In Russian)
- Cherepennikova M.S. *Goethe and Italy. Traditions. Dialogue. Synthesis*, Moscow, 2006. (In Russian)
- Cherepennikova M.S. *Masters of Italian literature*, Moscow, 2014. (In Russian)
- Schmidt J. *Goethe*, Moscow, 2017.
- Bonino G.D. Introduzione e commento // Foscolo U. *Ultime lettere di Jacopo Ortis*, Milano, 1986.
- Bosco U. *Aspetti del romanticismo Italiano*, Roma, 1942.
- De Feo I. *Leopardi: L'uomo e l'opera*, Milano, 1972.
- Höfer A. *Johann Wolfgang Goethe*, München, 1999.
- Johnson E. *Sir Walter Scott. The Great Unknown: in 2 vols*, New York, 1970.
- Polt H. H. *Goethe und Manzoni*. Wien, 1924.

List of Sources

Goethe J.-W. Poetry and truth. Goethe J.-W. *Sobranie sochineniy = Collected works*, vol. 3, Moscow, 1976.

Mazzini G. *Aesthetics and criticism. Selected articles*, Moscow, 1976.

Manzoni A. *Betrothed*, Moscow, 2011.

Scott W. *Ivanhoe*, Moscow, 2020.

Tommaseo N. Heights. Cherepennikova M. S. *Tradicii pojeticheskogo nasledija Italii. Antologija ital'janskoy poezii ot jepohi Vozrozhdenija do nashih dnej* = Traditions of the poetic heritage of Italy. An anthology of Italian poetry from the Renaissance to the present day, Moscow, 2008.

Foscolo U. The last letters of Jacopo Ortis. Moscow, 1932.

Eckermann J.P. *Conversations with Goethe in the last years of his life*, Moscow, 1981.

Eco U. *Notes in the margins of the «Name of the Rose»*, Moscow, 2012.

Goethe J.-W. *Goethes Werke in Zwölf Bänden*, Berlin und Weimar, 1981.